

КНЯЗЬ
С. Д. УРУСОВ

ЗАПИСКИ ГУБЕРНАТОРА

Сергей Урусов

**Записки губернатора.
Кишинев 1903–1904**

«Издательство Захаров»

1907

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)1

Урусов С. Д.

Записки губернатора. Кишинев 1903–1904 / С. Д. Урусов —
«Издательство Захаров», 1907

ISBN 978-5-8159-1384-4

Князь Сергей Дмитриевич Урусов (1862–1937) — видный общественный и политический деятель Российской империи конца XIX — начала XX века. Служил председателем в калужском земстве, тамбовским вице-губернатором, заведовал типографиями Москвы. В 1903 году по рекомендации В.К.Плеве был назначен губернатором в Бессарабию — вскоре после кишинёвского погрома. «...На Урусова была возложена такая высокая миссия, от которой ни один порядочный человек не отказался бы и не должен был отказаться: умиротворить несчастный город, сделавшийся жертвой дикой расправы. И Урусов с честью выполнил эту миссию», — писал школьный товарищ Урусова, депутат I Государственной думы Е.Н.Щепкин. Пробыв на этом посту полтора года, либерал Урусов снискал славу «сентиментального юдофила». Впоследствии, будучи депутатом и выступая в Думе, он обрушился с резкой критикой внутренней политики. После его доклада 8 июня 1906 года «Биржевые ведомости» писали, что «более тяжкого поражения, чем речь Урусова, старый режим еще не получал». При этом князь обнародовал документы, свидетельствовавшие о причастности полиции к еврейским погромам. В 1907 году его «Записки губернатора», освещавшие в том числе проблемы евреев, были опубликованы и вызвали недовольство в правящих кругах, вследствие чего автор провел в тюрьме четыре месяца. После 1917 года неоднократно подвергался допросам и тюремному заключению. В советское время работал в различных учреждениях, одно время был лишен пенсии, «поскольку до революции был князем». Умер в Москве в 1937 году.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-8159-1384-4

© Урусов С. Д., 1907

© Издательство Захаров, 1907

Содержание

Предисловие	6
Глава I	7
Глава II	12
Глава III	21
Глава IV	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Князь Сергей Дмитриевич Урусов

Записки губернатора. Кишинев 1903—1904

Предисловие

Задуманные очерки прошлого охватывают период с 1872 по 1906 год. Они распадаются на четыре части: I. Гимназия; университет. II. Деревня, хозяйство; сельская, уездная и губернская жизнь; служба по выборам; Москва. III. Тамбов; Бессарабия; Тверь. IV. Петербург, служба в министерстве графа Витте; Государственная Дума первого созыва.

Будущие читатели этих очерков представлялись воображению автора лишь как потомки того поколения, которому выпало на долю, с одной стороны, принять на себя часть ответственности за все отрицательные стороны русской государственной жизни последних десятилетий, а с другой – приложить усилия к устройству ее на новых началах.

Но бурный ход переживаемых Россией событий заставил изменить первоначальные предположения. Грядущие реформы должны охватить весь русский строй и, быть может, после гражданской свободы, ничто не является более неотложным в этом отношении, как реорганизация местного управления и отмена ограничения прав отдельных частей населения империи. Поэтому, все, что может внести хотя бы самый незначительный свет в эти области, оставшиеся доселе мало доступными взору общества, не должно, казалось бы, храниться под спудом.

Предавая гласности часть своих воспоминаний, относящуюся ко времени управления Бессарабской губернией, автор хотел бы, по мере сил, способствовать раскрытию тех деталей административной практики, о которых, на ряду с явно преувеличенными, существуют и совершенно неточные представления.

Воздерживаясь, по возможности, от рассуждений общего характера, автор сохранил неприкосновенной форму личных воспоминаний, полагая, что правда, какова бы она ни была, от способа изложения пострадать не может.

Глава I

Назначение бессарабским губернатором. Поездка в Петербург. Петергоф и представление Государю. Плеве. Первое знакомство с еврейским вопросом.

По окончании курса в 1885 году в московском университете, я долгое время служил по выборам земства и дворянства в Калужской губернии и затем переехал на жительство в Москву. В 1902 году я был назначен тамбовским вице-губернатором, а через несколько месяцев, в конце мая 1903 года, неожиданно и без предварительного запроса, получил из министерства внутренних дел телеграмму, извещавшую о назначении меня губернатором в Бессарабию. Дождавшись получения номера «Правительственного Вестника» с опубликованным приказом, я, по настойчивому предложению министра внутренних дел Плеве, спешно выехал в Петербург, куда явился, помнится, 9 июня.

О Бессарабии я знал в то время столько же, сколько о Новой Зеландии, если не меньше. Кишинев мне был знаком только по названию, да еще потому, что газеты долгое время сообщали подробности о знаменитом еврейском погроме 7–9-го апреля 1903 г. В заграничных изданиях открыто обвиняли русское правительство в устройстве этого погрома и даже приводили письмо, будто бы написанное министром Плеве губернатору фон-Раабену, с прозрачным намерением не препятствовать действиям погромщиков. Все эти известия, в свое время, скользнули в моей памяти, не оставив в ней почти никакого следа. Евреями я не интересовался, о положении их и специальных законах, их касающихся, я ничего не знал, а известие об участии правительства в организации погрома считал глупым или злонамеренным вымыслом. Меня гораздо более интересовала и беспокоила внешняя сторона моего нового положения: как приехать, как принять представляющихся лиц, как ознакомиться с личным составом служащих, кому делать визиты – и тому подобные вопросы этикета и представительства беспокоили меня гораздо более, чем ожидаемые трудности управления совершенно незнакомой мне губернией. В этом отношении я прекрасно подготовился к своей новой роли: я внимательно перечел дорожной ту часть II-го тома св. зак., которая трактует о губернских учреждениях, а также ознакомился, по I-му тому, с учреждением министерств, в частности с правами министра внутренних дел. Из прочитанного я сделал вывод, который применял без отступлений во все время своей губернаторской службы. Я нашел в прочитанном подтверждение того мнения, что губернатор по закону, ни в каком случае не является ставленником министра внутренних дел и не должен считать себя чиновником министерства. Состоя на службе по губернским учреждениям, будучи назначаем непосредственно Императором и подчиняясь только сенату, он исполняет законные распоряжения всех министров, не состоя в подчинении ни у одного из них. Министр внутренних дел имеет большее соприкосновение с губернаторами по роду дел, а не по степени власти, и то обстоятельство, что формуляр губернаторов ведется по министерству внутренних дел – не дает последнему основания для присвоения в отношении их каких-либо особых прав. Другими словами, я решил пользоваться всей полнотой самостоятельности, предоставленной губернатору законом, и выработать, соответственно этому, такие формы личных отношений с министром внутренних дел, которые, при сохранении оттенка служебной вежливости младшего по отношению к старшему, не позволяли бы министру делать мне замечаний и вообще обращаться со мной, как с непосредственным подчиненным по службе. С директорами департаментов и равными им лицами я решил держаться строго официальных отношений, сноситься с ними только в крайних случаях и вообще стараться сократить свои отношения с министерствами до пределов возможного. Я упоминаю об этих мелочах потому, что одним из серьезных недостатков современных мне губернаторов являлось добровольное наложение на себя министерского и департаментского ига. Перед тем, как представляться министру, большинство

губернаторов обегали департаменты, сидели подолгу в мундирах в приемной директора департамента общих дел, советовались с ним о том, как и по поводу чего говорить с министром, прибегали после приема с отчетом о своей «аудиенции» и заходили во все департаментские углы, боясь пропустить влиятельного чиновника и стараясь создать себе «руку» или «ход» для запросов частным образом из губернии по поводу видов и намерений правительства и для толкований и разъяснений в случаях недоразумений и сомнений. Многие губернаторы даже считали нужным тратить свои небольшие средства на угощение департаментских чинов в дорогих ресторанах Петербурга.

Значительная доля скептицизма, по отношению к сведениям петербургских канцелярий и значению распоряжений центральных ведомств для местного управления, засела во мне крепко уже давно. Я вспоминал, по этому поводу, рассказ о губернаторе, князе Щербатове, который за три года управления губернией приобрел славу прекрасного администратора. Когда он вышел по болезни в отставку, то преемник его нашел в губернаторском столе все министерские пакеты с надписью: «секретно, в собственные руки» нераспечатанными. Рассказ этот исходил от В.К. Плеве.

Задуманный план «осаживания» петербургских чиновников я применил впервые к директору департамента общих дел, Ш., к которому зашел, чтобы записаться на высочайший прием. Когда Ш. спросил меня, о чем говорил со мною министр, я ответил так: «я ничего такого, что касалось бы департамента вашего превосходительства, не было сказано», а когда он начал говорить о трудности предстоящей мне задачи, поучая, что «губернатор должен быть скалой, о которую разбиваются все течения», я нашел минуту, чтобы перебить разговор и, извинившись недостатком времени, просил дать мне простую справку о предполагаемом дне приема, после чего встал и простился.

В то время, как я готовился не ронять достоинства своей новой должности в министерских приемах, Плеве, как оказалось, давно уже выработал свои приемы осаживания губернаторов. Я удивился, войдя в его кабинет, в день приезда в Петербург, той перемене, которая произошла в его обращении со мной. Насколько он был прост, весел и любезен во время нашего последнего свидания в январе, настолько же он оказался величав, холоден и сдержан в июне. На краткую благодарность мою за оказанное мне, через посредство его, высочайшее доверие, он улыбнулся слабым движением губ и попросил меня сесть. Затем, сказав несколько слов о кишиневском погроме, о растерянности и низком уровне кишиневской полиции, он сообщил мне о предстоящей перемене бессарабского вице-губернатора и предупредил, что мне предстоит представление Его Величеству в Петергофе. Вслед затем он замолчал. Я встал и, прощаясь, спросил, когда я могу быть у него перед отъездом в Кишинев. Он ответил: «прошу вас зайти после приема», – и мы расстались.

Зять мой, Лопухин, служивший в то время директором департамента полиции, очень смеялся, когда я рассказал ему подробности моего свидания с Плеве, и заметил, что в этом выражается его система не давать вновь назначенному губернатору зазнаваться.

В виду летнего времени, многих министров не было в Петербурге. Я был у двух или трех из них, но не помню ничего интересного по поводу этих свиданий.

Приглашение ехать в Петергоф я получил от экспедиции церемониальных дел 12 июня вечером. Тринадцатого, согласно приложенному к билету расписанию, я приехал в 10 часов утра на Балтийский вокзал и сел в вагон, отведенный для должностных лиц, едущих в дворец. День, как оказалось, был не приемный, и, кроме меня, в вагоне находился только министр путей сообщения, кн. Хилков, у которого я еще не был. При выходе из вагона, в Петергофе, меня встретил придворный лакей и, назвав вопросительно мою фамилию, повел меня к высланной за мной карете. Привезли меня сперва в одно из дворцовых зданий, назначенных для остановки представляющихся Государю лиц, и отвели мне отделение из трех комнат – спальни с готовой постелью, кабинета и приемной. Подали чай и предупредили, что я имею 20 минут

свободного времени. Выпив чашку чаю и написав на бумаге; с бланком дворца, письмо домой, я снова сел в карету и поехал дальше. Шел мелкий дождь, мы медленно ехали по аллеям парка, замедляя ход при проезде через охраняемые часовыми ворота. Выглянув в окно, я увидел неожиданную картину: на поляне, около дороги, в бороздах двух свежеспашанных узких полос земли, стояли два плуга, запряженные парами: около них находилось несколько человек в военной форме и один штатский, в пальто, суетливо объяснявший что-то и видимо взволнованный. Оказалось, что здесь предстояла, в присутствии Государя и министра финансов Витте, проба шараповских плугов, а усилившийся дождь вызывал опасение, что Государь не придет. Все это объяснил мне дежурный флигель-адъютант, когда я вошел в маленькую гостиную, примыкавшую к кабинету Государя, помещавшегося во втором этаже небольшого и скромно убранного дворца. В гостиной были только князь Хилков, адъютант и я. До 12 часов оставалось минут 20. Из кабинета Государя вышел Витте, поздоровался с Хилковым, подал руку мне в ответ на мой поклон и, сказав несколько слов адъютанту, удалился. В кабинет пошел Хилков, а мне адъютант сообщил, что Государь собирался на прогулку, посмотреть пробу плугов, но, по случаю дождя, не пойдет, и что мне предстоит, вероятно, довольно продолжительная аудиенция, так как Государь до завтрака свободен.

В самом начале первого часа я вошел в царский кабинет...

По окончании высочайшего приема меня опять отвезли в прежнее помещение, где мне подали завтрак с вином и кофе, а затем в той же карете, с тем же лакеем, я поехал на вокзал к двухчасовому поезду.

Весь следующий день я посвятил изучению четырехтомного дела департамента полиции о кишиневском погроме и в то время вынес впечатление, что погром произошел по поводу ссоры еврейки, содержащей карусель, с одним простолюдином, желавшим прокатиться бесплатно, что местные власти и полиция растерялись и проявили бездеятельность, и что единственным лицом, предусмотревшим возможность антиеврейских беспорядков на Пасхе, был начальник кишиневского охранного отделения, барон Левендаль, который еще в пятницу на страстной неделе послал департаменту полиции донесение с указанием на опасное брожение в городе и с жалобой на то, что полицмейстер и губернатор не обращают внимания на его предупреждение. В деле имелись отпуски строгих телеграмм, посланных министром губернатору о необходимости принять меры к прекращению беспорядков, и, наконец, заключительная телеграмма, извещавшая губернатора о его отзывании и о немедленной передаче управления губернией вице-губернатору.

Там же я обнаружил интересные указания на убеждение простого народа в том, что погром разрешен на три дня, и усмотрел, что беспорядки прекратились очень скоро после того, как местный начальник кавалерийской дивизии стал производить аресты громил.

За несколько дней присутствия моего в Петербурге я успел, кроме того, поверхностно ознакомиться с законодательством о евреях, с временными правилами 1882 г. о жительстве их в сельских местностях и с теми течениями общественного мнения, которые были вызваны последними кишиневскими событиями и которые, отразившись в повременных изданиях, приняли два противоположных направления. Одно – всю вину погрома приписывало правительству и невежественно-преступной антиеврейской провокаторской деятельности отдельных лиц; другое – видело в еврейских погромах неудержимую вспышку народной мести в ответ на эксплуатацию местного населения племенем, чуждым и враждебным России, и поставившим себе целью её экономическое порабощение. Приходилось даже читать в специальных органах прессы, вроде газеты нашумевшего в то время Крушевана¹, что евреи сами вызвали погром, так как он для них выгоден.

¹ Крушеван Павел (Паволакый) Александрович (1860–1909) – журналист, черносотенец, издатель и автор кишинёвской газеты «Бессарабец». – *Прим. ред.*

Становилось все более и более очевидным, что деятельность моя в Бессарабии неразрывно связана с так называемым еврейским вопросом, и что мне предстоит сразу ясно определить в отношении евреев свой план действий среди разбушевавшихся страстей и разноречивых мнений.

Собственных наблюдений над ролью евреев в России у меня было очень мало. Когда-то, в Калужской губернии, я несколько раз встречал торговца-еврея по имени Зусе Калманов Трейвас, который, разъезжая по ярмаркам с товарами, останавливался иногда в помещичьих усадьбах и производил очень приятное впечатление, его все любили и охотно имели с ним дело. Изредка в нашем уезде появлялись приезжие евреи, комиссионеры по покупке хлеба и других продуктов; появление их было всегда приятно, так как сопровождалось повышением цен на продукты и аккуратным расчетом по сделкам. Впоследствии, в Тамбовской губернии, я получил подтверждение того мнения, что евреи-скупщики составляют желательный элемент для сельского производства: за исключением местных купцов-конкурентов, все производители сельскохозяйственных продуктов высказывались против стеснения временного пребывания евреев в хлебных центрах и на станциях железных дорог.

К этим случайным и довольно поверхностным наблюдениям я мог отнести, в пользу более широкого взгляда на еврейский вопрос, те общие начала справедливости и терпимости, которые мне были внушены полученным мною общим образованием.

В пассив евреев я мог отнести только какое-то неопределенное чувство критики и недоверия, которое я испытывал в то время по отношению к еврейскому племени; источника этого чувства я не могу точно выяснить, хотя предполагаю, что в этом отношении могли на меня бессознательно повлиять литературные произведения, в которых часто выставляются на вид отрицательные и смешные стороны евреев.

Известно мне было, в общих чертах, и обвинение в стремлении покорить мир, которое приписывалось еврейству его врагами. Взгляд на евреев с этой точки зрения, обоснование такого взгляда на истории и религиозном законе иудеев, – общеизвестны, и на них я останавливаться не буду. Факты ближайшего прошлого – 42 трупов и миллионный убыток, составившие результат апрельских событий, а также злобные выходки известной части общества и печати, имевшие целью оправдать эти события, производили на меня больше впечатления, нежели философские рассуждения о роли евреев в мировой истории и о грядущем их торжестве.

В результате своих размышлений я пришел к следующим выводам, определявшим мои будущие отношения, как бессарабского губернатора, к евреям, населяющим Бессарабию.

Я решил, во-первых, что существующие законы, ограничивающие права евреев, должны быть применяемы мной во всех случаях, без послаблений и колебаний, несмотря на высказанное мне в Петербурге многими компетентными лицами мнение о том, что правила 3 мая 1882 г. оказались правительственной ошибкой и цели не достигли². Особенно резко и прямо высказывался за расширение еврейских прав и против существующего «бессмысленного» законодательства о евреях П.Н. Дурново, бывший в то время товарищем министра внутренних дел. Но я понимал ясно уже в то время опасность внесения в управление губернией своих вкусов и предубеждений и потому признавал необходимым строго держаться в еврейском вопросе законных рамок. Затем, не менее крепко, засело в моей голове намерение не только не проявлять относительно евреев чувства отчужденности, предвзятого недоверия, но, напротив, стараться всегда, последовательно и твердо, стоять на той точке зрения, что евреи такие же русские подданные, как и все прочее население России, пользующиеся в отношении безопасности, наравне с другими, покровительством законов и властей. Кишиневский погром намеревался открыто признать преступлением, держась в этом отношении того взгляда, который прове-

² Небезынтересно заметить, что Правила 3 мая 1882 года, как я впоследствии узнал, мотивированы были стремлением оградить евреев от насилия со стороны христианского населения. – *Прим. авт.*

ден был в правительственном сообщении, последовавшем в мае месяце, и сторонясь от инсинуаций по адресу евреев, усердно навязываемых в то время обществу некоторыми газетами.

Мнение, что евреи сами виноваты в погроме, что они явились стороной нападающей, вызвали сопротивление масс и потерпели урон лишь в силу русского молодечества и собственной трусости, с удовольствием высказывалось и в правительственной среде. Но я читал подлинное дело о погроме и потому сознавал, что такое отношение к нему тенденциозно.

С таким небогатым запасом мыслей и намерений, с туманным представлением о Бессарабии и о предстоявших мне в будущем задачах, я снова отправился, перед отъездом в Кишинев, к министру внутренних дел.

Разговор наш продолжался не долго. Плеве, видимо, не хотел высказываться по поводу взгляда своего на управление Бессарабией, потому ли, что он мало был знаком с ее особенностями, или потому, что он не мог без раздражения вспоминать о том шуме, который создан в России и, особенно, за границей по поводу кишиневской истории. Выслушав мой рассказ о том, что говорил мне Государь Император, он попросил меня только, чтобы я, как можно скорее, постарался ознакомиться с той частью Бессарабии, которая была вторично присоединена к России в 1878 г., под названием Измаильского уезда, и управлялась по старым румынским законам, с тем, чтобы я представил записку о возможности введения в этом уезде русского, общеимперского законодательства, если к такому объединению губернии не встретится, по местным условиям, неодолимых препятствий.

Не понравилась мне в министре одна черта: когда я, между прочим, сказал ему, что, по моим сведениям, генерал Раабен пробудет в Кишиневе, в губернаторском доме, еще недели две, и что мне придется поневоле с этим обстоятельством примириться, чтобы дать возможность старику проститься с городом и устроить свои дела, Плеве заметил: «Напрасно вы церемонитесь... После этого всякий посторонний заберется к вам в дом, и вы будете его терпеть?.. Раабен уволен и ему нечего делать в казенном доме, может переехать в гостиницу».

Заключительный слова Плеве, при прощании, были буквально следующие: «Я вам не даю ни советов, ни указаний. Вы совершенно самостоятельны, но за то и ответственные... Поступайте, как знаете, лишь бы результаты получились хорошие. Одно скажу вам на прощание: пожалуйста поменьше речей и поменьше сентиментального юдофильства».

Я не раз потом вспоминал об этой заключительной фразе прославленного чтеца людских сердец, каким многие считали Плеве. Действительно, он показал в этом случае свою проницательность: мне пришлось в Кишиневе говорить не мало речей, и я уехал оттуда с прочной репутацией юдофила...

Глава II

Отъезд в Бессарабию. Бендеры. Приезд в Кишинев. Настроение жителей. Прием и визиты. Раабен и Устругов. Прием еврейской депутации. Перемена настроения. Похороны Торы. День губернатора.

Из Петербурга я уехал 17-го июня, забрал в Москве заказанное раньше платье и другие вещи и, остановившись на два дня в Калужской губернии, в нашем имении, выехал 21-го вечером, со станции Воротыньск, в Киев-Раздельную-Кишинев. Меня проводили на станцию семья и несколько соседей. Ехал я совершенно один и всю дорогу изучал Бессарабский адрес-календарь, высланный мне правителем губернаторской канцелярии, стараясь запомнить фамилии служащих и даже имена и отчества тех из них, с которыми предстояло часто встречаться, а также читал, с большим интересом, приобретенную в Петербурге книгу «Бессарабия», – издание местного уроженца и публициста Крушевана. Книга эта, нечто вроде сборника, с портретами и рисунками, значительно облегчила мне первоначальное знакомство с городом и губернией.

Рано утром 23-го июня я пересел на станции Раздельной в особый вагон, предоставленный мне железнодорожным начальством, и стал подвигаться к Днестру, границе Бессарабской губернии, на которой мне предстояло увидеть первый, по пути, уездный город Бессарабии – Бендеры.

Я писал вице-губернатору Устругову, чтобы он не объявлял о времени моего приезда в Кишинев, желая избежать парадной встречи губернатора, на вокзале, местными властями. Такого рода встречи общеприняты, хотя ни для кого не обязательны. Дурная сторона их заключается в том, что многие из служащих в городе едут встречать губернатора не по своей охоте и бранят его за это в глубине души, другие не едут, пользуясь большею самостоятельностью своего положения, и, вместе с тем, невольно останавливаются на мысли, что их воздержание будет истолковано как протест или нежелание воздать должное начальнику губернии. Все следят друг за другом, уговариваются и, в последнюю минуту, изменяют сговору: появляются внезапные болезни, или внезапная потребность съездить на вокзал проводить родных, случайно едущих с тем же поездом, который привез губернатора, и, таким образом, не едзя на встречу последнему, все-таки его встретить. Словом, около вопроса об этой встрече всегда возникают разговоры и суэта, которых приятно бывает избежать. Поэтому я просил вице-губернатора ограничить число встречающих меня на вокзале лиц пятью: полицмейстером, исправником, правителем канцелярии и двумя чиновниками особых поручений, рассчитывая, сверх того, видеть с ними самого управляющего губернией вице-губернатора, если, как я выразился в своем письме, «Его Превосходительство пожелает оказать мне честь и удовольствие, дав мне возможность познакомиться с ним при самом вступлении моем в Кишинев, а чрез его посредство и с прочими подчиненными мне должностными лицами». Однако, знакомство наше произошло раньше, нежели я ожидал. Подъезжая к Бендерскому вокзалу, я увидел в окно платформу, запруженную народом, расставленным в порядке, с проходом посередине. В проходе поместился, в мундире, с цепью на шее и с хлебом-солью на блюде, городской голова с ассистентами: полиции было стянуто на вокзал великое множество, а впереди толпы, в мундире, с лентой через плечо, стоял седой старик, Устругов, вошедший ко мне в вагон в сопровождении местного исправника и чиновников особых поручений – Л. и Ш.

Наскоро поздоровавшись с вошедшими и обменявшись с ними несколькими словами, я вышел из вагона, направился к городскому голове, ответил кратко на его приветствие и принял от него хлеб-соль. Поговорив по несколько минут почти со всеми должностными лицами города и обнаружив некоторое знакомство с городом и уездом, почерпнутое во время дороги

из чтения крушеванского сборника, я вошел на площадку своего вагона и, обернувшись лицом к публике, приложил руку к фуражке, в знак благодарности за встречу. Присутствующие, сняв шляпы, начали громко кричать «ура», причем особенно старались евреи, которых можно было отличить по экспансивности темперамента и по тому жадному любопытству, с которым они на меня смотрели, показывая на меня пальцами, толкая друг друга и переговариваясь по поводу произведенного мною впечатления. В это время поезд двинулся, и я вошел в вагон, заняв с Уструговым отдельное купе. Полуторачасовой проезд до губернского города я провел в разговоре с вице-губернатором, сообщившим мне неприятную новость о том, что в Кишиневе можно ожидать со дня на день беспорядков, в виду того, что евреи, составляющие половину 140-тысячного населения города, под предлогом разорения и затишья в торговле и производстве, не принимают христианских рабочих, носят траур, не ходят на гулянья, в результате чего, с одной стороны, особенно резко проявилась племенная рознь и взаимная отчужденность населения, а с другой получилась масса безработного люда, готового во всякое время начать беспорядки. Местные войска, не отпущенные в лагеря, по словам Устругова, роптали и в общем были настроены к евреям враждебно; также враждебно был настроен по отношению к евреям сам Устругов, предупредивший меня, что с этой «язвой» поделаться ничего нельзя. С таким невеселым впечатлением мы приехали в Кишинев.

На паре белых лошадей, в открытой коляске, мы поехали с Уструговым сначала предместьем города, а затем длинной Александровской улицей, главной артерией Кишинева, отделявшей нижнюю торговую и старую часть от верхней, новой её части. На тротуарах стояли густыми рядами мужчины, женщины и дети. Они кланялись, махали платками, а некоторые из них даже становились на колени, что меня, не привыкшего к таким картинам, чрезвычайно поразило. Евреи, видимо, составляли большинство толпы. Мы приехали прямо в собор, а затем в губернаторский дом, где меня любезно встретил и пригласил завтракать генерал Раабен. После завтрака я сделал визит архиерею, викарному епископу, армянскому архиепископу, вице-губернатору, трем генералам, губернскому и уездному предводителям дворянства, председателю и прокурору суда, председателю губернской земской управы, управляющему казенной палатой и городскому голове, назначив на следующий день, в 11 час, прием всех желающих представиться новому губернатору. Время, часов до 7 вечера, я провел в беседе с моим Предшественником, а после семи, переодевшись в штатское платье, я вышел «калиткою садовой», с чиновником особых поручений Ш – им, побродить по городу.

Прежде всего мы направились в ту часть Кишинева, которая наиболее пострадала от погрома. Следы его были еще очень заметны. Во многих домах сломанные окна и двери были забраны тесом, кое-где виднелись поломанные крыши и разрушенные печные трубы. Но главные последствия погрома, как я скоро увидел, надо было искать не во внешних повреждениях, а в нарушенном обычном труде, в застое промышленности и торговли, главным же образом в том настроении, которое поддерживало среди населения рознь и вражду. Умиротворению препятствовало столько же чувство горя, обиды и, может быть, мести у евреев, сколько чувство досады у многих христиан, чувство, которое можно передать приблизительно так: «теперь из-за этих евреев приходится нести еще нравственную ответственность за преступление. Большинство местных жителей христиан не принимало участия в погроме, многие возмущались им, но далеко не все они могли, положив руку на сердце, сказать, что никогда и ничем не способствовали поддержанию племенной розни между обеими половинами кишиневского населения. Указанные мне Уструговым, при разговоре в вагоне, обстоятельства еще более обостряли положение.

Обойдя наиболее интересные части города, мы спустились в нижнюю его часть, ближе к течению Быка, где ютилась еврейская беднота. На Азиатской и прилегающих к ней улицах я увидел оригинальные картины еврейского быта. В низеньких домиках, сквозь открытые окна, виднелась вся обстановка жилищ, спящие дети, приготовление ко сну взрослых, запоздалый

ужин, чтение книги вслух старым евреем окружавшей его семье и т. п. Многие спали на пристроенных к домам галереях, а те, кто еще не спал, с любопытством нас оглядывали. Подойдя к самой окраине города, я тщетно старался увидеть реку, о которой упоминается в учебниках географии; я долго не соглашался признать ее в усмотренной мной небольшой луже, с отвратительным запахом, шириной местами не более аршина, без течения, без всякой растительности вокруг. Итак, первое утверждение, почерпнутое мной из чужого опыта, что «Кишинев стоит на реке Быке», – оказалось неверным: ни реки, ни речки, ни даже ручья в Кишиневе нет.

На другой день, 24-го, часов в 11 утра, зал небольшого дома бессарабского дворянства, в котором когда-то танцевал Пушкин, наполнился всевозможными мундирами. Казенного дома для губернатора в городе не было, и он снимал, за 6.000 руб. в год, старый, очень симпатичный дворянский дом, комнат в 15, в котором жил Император Александр II во время восточной войны. При доме был порядочный сад и флигель, в котором помещалась губернаторская канцелярия.

В кабинет мой вошел вице-губернатор и сказал, что меня ждут представляющиеся; они были расставлены полукругом, в несколько рядов, с таким расчетом, что за каждым начальником части, стоявшим в первом ряду, помещались его сослуживцы и подчиненные.

Начав обход с левой стороны, я сначала говорил с представителями ведомств, которых мне представлял Устругов, а затем подвигался вглубь и знакомился с их сочленами; затем опять выходил к центру полукруга и шел дальше, таким же порядком, пока, сделав полный круг, не очутился снова у двери кабинета. Став у дверей, я поблагодарил лиц, пожелавших сделать мне честь своим посещением, и прибавил несколько фраз, содержания которых я не запомнил, хотя вся небольшая речь моя была тщательно обдумана раньше, записана и выучена наизусть. В таких случаях важно взвесить каждое слово – ошибки долго не простят, и от впечатления многое зависит. Вся церемония продолжалась 45 минут. Вслед за общим приемом, меня посетили архиереи, генералы, губернский предводитель дворянства и почти весь состав окружного суда с председателем его во главе.

Мне предстояло ответить 60-ю визитами; я сделал их в четыре дня благодаря тому, что немногих застал дома. При этом произошло только одно недоразумение: намереваясь быть у товарища прокурора Кенигсона, я позвонил и оставил карточку у присяжного поверенного Кенигшаца. Я потом исправил свою ошибку, но, как я узнал впоследствии, визит Кенигшацу был мне поставлен на счет в Петербурге, так как это лицо, помимо принадлежности к еврейству, считалось «неблагонадежным в политическом отношении».

Генерала Раабена я довольно близко узнал в течение тех десяти дней, которые мы прожили вместе в губернаторском доме. Его присутствие избавило меня, на первых порах, от хлопот по устройству домашнего хозяйства, благодаря тому, что он продолжал держать свою прислугу и вести все расходы, согласившись, по моей настойчивой просьбе, принять половину их от меня.

Мне, прежде всего, хочется самым решительным образом восстать против обвинения Раабена в сознательном допущении погрома и разрушить легенду о письме, будто бы написанном ему по этому поводу министром внутренних дел.

Не говоря уже о том, что Плеве, без всяких церемоний, настоял перед Государем на увольнении Раабена, и что последний долгое время оставался в неизвестности относительно своей дальнейшей судьбы, представляется невероятным, чтобы министр неосторожно доверился в данном случае человеку, мягкость и порядочность которого исключала возможность рассчитывать на выполнение им столь жестокого плана. Я не хочу сказать этим, что я считаю министра способным быть инициатором погрома. Напротив, я думаю, что Плеве был слишком умен и опытен, чтобы прибегать к такого рода мерам борьбы с евреями, при всей ненависти своей к ним. Но если Плеве мог считать кишиневский погром вредным для правительства по своим последствиям, то Раабен, по самому характеру своему и свойствам, не мог бы взять на

себя роли исполнителя и организатора резни. Таково мое не только личное мнение, – я черпаю уверенность в невинности моего предшественника из общего убеждения всех его сослуживцев и подчиненных, также многих представителей местной еврейской общины, мнение которых заслуживает в данном случае полного внимания.

Раабен принадлежал к числу тех губернаторов, которые смотрят на свое положение, как на почетное и обеспеченное место, полученное в награду за прежнюю службу. Генерал-лейтенант, георгиевский кавалер, украшенный четырьмя звездами, до Белого Орла включительно, он жил один, без семьи, любил общество, карты, ухаживал за дамами и очень мало занимался делами. Он посвящал утро приему просителей и докладчиков, председательствовал в присутствиях без подготовки и никогда не занимался после обеда. Управление губернией было фактически им передано трем лицам: правителю канцелярии – по делам, касающимся губернатора лично, вице-губернатору – по губернскому правлению и одному из непременных членов – по делам крестьянского управления и суда. Эти три лица давно размежевались между собою, не мешая друг другу, и все трое были очень дельными и способными чиновниками.

Вице-губернатор Устругов соединял с этими качествами много недостатков, благодаря которым он не пользовался ни расположением, ни доверием Раабена. Но любовь губернатора к покою превозмогала, и Устругов оставался верховным руководителем губернского правления, заведовавшего, между прочим, всеми делами, касающимися евреев.

Общее направление губернского правления состояло в стеснении евреев, доходившем до извращений закона; но иногда, по отдельным делам допускались им послабления, заставлявшие предполагать небескорыстный повод.

Раабен отличался своими сердечными слабостями. У полицмейстера, необыкновенно глупого и ленивого есаула казачьих войск, вывезенного Раабеном с Дона, жила, под видом родственницы, так называемая «желтая дама», занимавшая в городе полуофициальное положение. Ее приглашали на вечера с губернатором, в театре она сидела в губернаторской ложе и исчезала из города, когда Раабен уезжал в отпуск. Городские дамы любили Раабена за его любезность, за его манеру ухаживать, и он отбоя не имел от приглашений как в городе, так и в губернии. Поездки его на ревизии обращались, благодаря этому, в сплошной праздник.

Я должен признаться, что, за исключением выработанной манеры слушать доклады и принимать просьбы, у Раабена не было никаких данных, чтобы оказывать на управление губернией какое-либо влияние положительного характера. Приведу поразительный пример его малой осведомленности в законах: когда он был уволен от должности за нераспорядительность, выразившуюся, между прочим, в том, что он, вызвав войска, передал свою власть начальнику дивизии и совершенно устранился от всяких распоряжений, Раабен потребовал правителя своей канцелярии и взволнованным голосом сказал: «да покажите мне, наконец, эти правила о призыве войск для содействия гражданской власти, о которых мне протрубили уши».

Эти правила он должен был знать, во-первых, как бывший полковой командир и начальник дивизии, а затем, как гражданский губернатор, пробывший в должности четыре года.

«Только что я начал знакомиться с губернией, как мне приходится уезжать из неё», сказал мне Раабен, после четырехлетнего пребывания в Бессарабии. Но даже после этих слов я остаюсь при том убеждении, что Раабен благополучно продолжал бы управлять Бессарабией до сего дня, получая награды и окруженный общей любовью, если бы не случилось апрельского события. Известного рода порядочность в служебных отношениях, отсутствие придиристичности и желания всюду совать свой нос, проявляя везде свою власть, доброжелательное отношение ко всем и не запачканные чужими деньгами руки – не малые качества для губернатора. Кроме того, Раабен, как нельзя более, подходил к общему характеру края, в котором среди богатой природы царствовала лень и беззаботность. Малоразвитое, необразованное, зажиточное и спокойное земледельческое население, легкомысленные, жизнерадостные, любящие пожить помещики; снисходительное к своим и чужим слабостям, склонное к внешнему блеску и тяготевшее

к представителям власти общество; мало труда и характера, много добродушного хлебосольтва и некоторая распушенность нравов – такова в общих чертах Бессарабия, и надо сознаться, что она составляла для своего губернатора вполне подходящую рамку.

Устругову я сообщил переданное мне министром известие о предстоящей перемене его службы, хотя не мог, по незнанию, удовлетворить его любопытства относительно того, куда он будет назначен. Колеблясь между надеждами на повышение и опасениями быть причисленным к министерству без определенной должности, Устругов потерял интерес к бессарабским делам, чему я был очень рад, так как не мог положиться на его беспристрастие и добросовестность. Я с удовольствием предоставил ему возможность уехать в Подольскую губернию, на две недели, обрадовавшись случаю, без его посредства и советов, окунуться в надвигавшиеся на меня дела и заботы.

На третий день моего приезда, ко мне явилась депутация представителей местной еврейской общины, в количестве 12 человек. В составе её были купцы, врачи, присяжные поверенные, – все люди с весом и положением. Они пришли не для выполнения долга вежливости, что было видно по их серьезным и взволнованным лицам, а для получения ответа на волнующий всех вопрос: что будет дальше, чего им ожидать и на что надеяться? Я записал в тот же день слова, произнесенные мною в ответ на приветствие депутации, в котором положение дела рисовалось в самых мрачных красках. Привожу их в виде доказательства того, как мало нужно было обещать, чтобы заслужить доверие местных евреев и установить с ними добрые отношения. Я сказал почти дословно следующее:

«Господа, я не вижу в вас представителей какой-либо общественной или сословной единицы, какого-либо общества или учреждения. Вы в моих глазах являетесь частью живущих в Кишиневе русских подданных, связанных между собой религией, пожелавших приветствовать нового губернатора и поговорить с ним о своих делах, а потому и ответ мой будет иметь характер частный, так сказать, домашний. Вам интересно знать, как я буду относиться к евреям, составляющим значительную часть, населения Кишинева. С удовольствием и полной готовностью отвечу на ваши желания. Религиозной нетерпимости, расовой вражды, пристрастного отношения вы не имеете права ожидать от высшего представителя правительственной власти в губернии. Законы наши и воля Царя, неоднократно выраженная, устанавливают в России свободу вероисповедания, а господствующая в нашем отечестве религия учит не вражде, а миру и любви. Прибавляю к этому, что мне лично чужда племенная и религиозная рознь, почему для меня легко будет, в отношениях моих к евреям, строго следовать требованиям подлежащих законов, не внося в их толкование какой-либо посторонней, личной примеси. Таковы общие правила, которыми я буду руководствоваться. Других, повторяю, вы не могли от меня ожидать.

«Переходя от общих вопросов к частным, я хочу сказать несколько слов, касающихся того ненормального положения, в котором я застаю Кишинев, в смысле тревожного, подозрительного, отчасти враждебного отношения одной части населения к другой. Я сделаю все от меня зависящее для того, чтобы течение нашей жизни вошло в обычное русло и чтобы мирные, ежедневные занятия населения протекали безмятежно, но для достижения этой благой цели мало усилий одного человека, мало даже усилий целого административного ведомства, – нужна сознательная помощь самого населения. И вот, раз вы пожелали предстать перед мной в качестве представителей еврейской части населения, узнайте то, чего я ожидаю в упомянутом отношении от евреев. Я, прежде всего обязан настаивать на том, чтобы евреи добросовестно подчинились тем ограничениям их личных и имущественных прав, которые установлены для них законом, не стараясь их нарушать и обходить. Я в праве ожидать, затем, что евреи, будучи народом богато одаренным и тесно сплоченным и побеждая, часто благодаря этим свойствам, местное население в экономической борьбе, будут пользоваться плодами победы с осторожностью и тактом. Молдаванское коренное население, как и русское, добродушно и незлобиво; в нем нет большой подвижности, способности и стремления к накоплению богатств; будучи

первыми непосредственными производителями ценностей, местные жители не умеют их сбегать и обменивать, – в этом вы всегда их превзойдете, – так умейте же разумно пользоваться вашими преимуществами, относитесь хорошо к населению, среди которого вы живете, и я уверен, что столкновений между вами никогда не произойдет. В частности, я просил бы вас приложить старание к тому, чтобы последствия бывших в апреле месяце беспорядков перестали служить поводом к поддержанию в населении города взаимной вражды. Виновные в апрельских злодеяниях понесли или понесут должное наказание; потерпевшие в значительной степени получили помощь, и материальную, и нравственную, – пора вернуть всем спокойствие: беспорядки – явление временное и преходящее, а нормальная трудовая жизнь – постоянна – сделайте с своей стороны все возможное к тому, чтобы прошедшие тяжелые дни скорей предалась забвению. Затем, во всех серьезных случаях прошу обращаться ко мне, – двери мои всегда для вас открыты».

Любопытно заметить, что не более, как чрез неделю после приема еврейской депутации, я получил из Петербурга, от Лопухина, письмо, в котором он сообщал мне, что Плеве очень желает ознакомиться с тем, что мною было сказано евреям. Я послал ему копию только что приведенного здесь моего ответа.

Попросив членов депутации сесть, я поговорил с ними еще с полчаса, после чего мы расстались. Какова же была запуганность евреев и как мало нужно было им гарантий от администрации, если они удалились, вполне довольные и почти успокоенные после моих в сущности не лестных для них слов.

Обдумав свое положение, я пришел к заключению, что надо дебютировать в управлении губернией такой мерой, которая была неожиданной, необычной и могла бы дать общественному настроению новое направление. Я остановился на мысли воспользоваться высказанными мне военным начальством сетованиями на нарушение, по требованию гражданских властей, обычных летних лагерных занятий и удовлетворить желание военных, отказавшись от содействия войск. Я написал собственноручно начальнику гарнизона, что присутствие войск в городе для охраны порядка я нахожу излишним, о чем вслед затем сообщил в Одессу, командующему войсками округа.

Эффект получился очень большой. Об отмене лагерного похода в 1903 году сносились и спорили министры – военный и внутренних дел, докладывали Государю, запрашивали телеграммами военный округ и губернатора, возобновили запросы по новому требованию военного министра, после чего, наконец, военные власти, скрепя сердце, уступили. Теперь, внезапно, получалась возможность войскам вернуться к нормальным занятиям, чему военное начальство было очень радо.

В городе поднялся переполох, так как я никому предварительно не сообщил о своем решении. Евреи стали волноваться и присылать ко мне своих ходатаев, многие из служащих в городе предостерегали меня по поводу опасности остаться без помощи при беспорядках; в особенности испугался полицмейстер, только что назначенный Уструговым на место уволенного есаула. Но дело уже было сделано, и мне оставалось спокойно отвечать, что я вполне уверен в сохранении порядка и не вижу надобности вечно считать Кишинев на положении вулкана, готового к извержению.

Для меня до сих пор остается загадкой то, поистине чудесное, превращение, которое совершилось в жизни и настроении города, в течение нескольких дней после моего приезда. Факты таковы: я приехал, если не ошибаюсь, во вторник; в среду я принимал служащих, в четверг – еврейскую депутацию, в субботу кончил свои визиты, а в ту же субботу вечером полиции пришлось удвоить наряд в городском саду, по которому, в виду шабаша, двигалась густой толпой еврейская публика, в нарядных костюмах и праздничных уборах. Слух о том, что евреи перестали носить траур и снова появились на гуляньях, быстро распространился по городу; улицы оживились, все с любопытством наблюдали друг за другом, обменивались

замечаниями, вообще настроение стало веселое и даже радостное. С понедельника началась усиленная починка домов, магазинов и помещений, пострадавших от погрома, рабочие встали вновь на прежнюю работу, торговля оживилась и через несколько дней нельзя было встретить в городе человека, который относился бы серьезно к опасениям о повторении беспорядков. Все успокоилось, и Кишинев зажил прежней жизнью.

Здесь кстати будет вспомнить еще об одном, довольно смелом, предприятии, которое я подготовил тайно и выполнил неожиданно, благодаря чему оно окончилось благополучно. Во время погрома неистовство громил не ограничилось убийствами и грабежами; они врываются в синагоги и разбивали в них мебель и утварь. Главным священным предметом еврейских молитвенных домов является ковчег, в котором хранятся свитки священной Торы с текстом, написанным на пергаменте особыми духовными лицами. Еврейский казенный раввин, а также духовные раввины, придя ко мне, объяснили, что, по еврейскому обряду, необходимо похоронить на кладбище остатки этих святынь, поруганных святотатственными руками, но предупредили меня, что эти похороны привлекут огромное количество верующих. Справившись по поводу этого заявления, я убедился в том, что еврейская религия относится к свиткам Торы примерно так, как православная к причастию, т. е. претворенным в тело и кровь хлебу и вину. Являлось несомненным, что выполнение обряда похорон надо допустить, — это признавали и Устругов, и полицмейстер, но, до моего приезда, все откладывали выдачу разрешения, боясь беспорядков. Я потребовал от духовных раввинов представления мне плана и описания маршрута процессии, определил час (9 утра) для её начала, узнал, что в процессии примут участие до 30.000 человек, и сказал, что пришлю разрешение через несколько дней, причем предупредил, что поставлю раввина в известность только вечером накануне того дня, который изберу для похорон. Я объяснил, кроме того, раввинам, что весь состав полиции останется все время в городе, для охраны базара и лавок, за исключением до 12 человек, и что поэтому евреи должны организовать шествие сами, сохраняя на улицах порядок и оберегая толпу от несчастных случаев, почти неизбежных при столкновении нескольких десятков тысяч человек в одном узком месте.

Ужас полицмейстера, которому я передал свое разрешение, для объявления его по принадлежности, лишь накануне знаменательного дня, не поддается описанию. Он побледнел, как скатерть, и не хотел верить своим ушам. Мне самому пришлось выработать с ним, на городском плане, порядок шествия, и, к концу занятий, полицмейстер значительно успокоился.

Следующее утро, с 9 до 1 часу дня, я провел дома, недалеко от телефона; в каретном сарае стоял для меня наготове экипаж, и я, занимаясь обычными делами, был несколько рассеян и озабочен. К часу дня явился сияющий полицмейстер, докладывая, что публика возвращается в город, что все прошло благополучно, и что порядок ничем не был нарушен, если не считать несколько истерических криков у sklepa, в котором замуровали обрывки свитков.

После часу дня я отправился в заседание одного из губернских присутствий, где узнал новости: мне сообщили, что евреи что-то затевают, так как они закрывают лавки. Явившиеся затем члены других ведомств добавили, что лавки открыты, а евреи, в праздничных одеждах, группами, человек по до 20, расходятся по городу. Я сообщил им, что похоронена Тора, и вызвал этим общее удивление.

С этого дня, как мне кажется, возникло во мне, по отношению к кишиневским евреям, какое-то чувство расположения и признательности, сохраняемое мною до сего времени. С той же поры и я, в их глазах, получил право на доверие, как человек, который не только хочет, но и может обеспечить им безопасность.

Я приобрел впоследствии такую уверенность в безусловном признании кишиневскими евреями моего авторитета, что однажды, зимой, в Петербурге, на высказанный министром внутренних дел взгляд о разнузданности и неповиновении властям всех евреев, предложил ему, полусерьезно, сделать следующий опыт:

«Не угодно ли, сказал я, сделать испытание. Я сейчас пошлю в Кишинев, по вашему выбору, телеграфное распоряжение: или всем жителям евреям выйти за город и простоять на городском выгоне 2 часа, или, наоборот, запереться по домам и не выходить никуда в течение того же срока. Выбирайте любое из двух, – ручаюсь, что все будет исполнено в точности».

Министр, конечно, не согласился на предложенный мною опыт. Но дело в том, что за этой шуткой скрывалась серьезная сторона: я утверждаю, что евреи, в то время, под неостывшим еще впечатлением от погрома, способны были исполнить даже такое бессмысленное распоряжение.

Слухи о состоявшихся похоронах Торы пошли гулять по свету и дошли до Петербурга с совершенно невероятными комментариями. Выходило так, что я дал еврейству повод торжествовать победу над христианством, что я сам принимал участие в процессии и похоронном обряде, что, по случаю еврейского торжества, в городе не торговали, как в царские дни, – и тому подобный вздор. Мне все это рассказал полковник Чарнолуцкий, начальник местного жандармского управления, один из числа немногих лиц, которых я предупредил о своем плане заблаговременно. Он, кажется, должен был употребить в разговоре с министром не мало усилий, чтобы представить дело в надлежащем свете, но и после этого ему пришлось услышать от Плеве отзыв, в котором говорилось что-то о «безрассудном риске» губернатора.

Прошли первые дни моего губернаторства, уехал Раабен, после торжественных и даже сердечных проводов, а затем и Устругов, переведенный в Тифлис, и для меня наступили дни обычных, скромных занятий, среди которых я постепенно узнавал губернию. Дел было очень много. Я вставал ежедневно в 8-м часу утра, просыпаясь иногда и раньше, если в Благородном собрании, помещавшемся против моего дома, засиживались посетители. В таких случаях музыка, игравшая по приглашению членов клуба всю ночь, выходила на улицу исполнять туш, провожая засидевшихся щедрых гостей. Туш этот, знаменуя для них время отдыха, вместе с тем пробуждал меня к деятельности. В восемь с половиной часов я начинал прием просителей, с утра собиравшихся во дворе.

Прием просителей в Кишиневе – обряд в Великороссии неизвестный. Приемная моя обыкновенно наполнялась раза три-четыре в день так, что мне приходилось выходить к просителям через каждый час. Они говорили чуть не на десяти разных языках, из которых мне были знакомы не более двух. Великороссы, малороссы, поляки, евреи, турки, греки, армяне, болгары, немцы-колонисты, швейцарцы из села Шабо, какие-то гагаузы и, наконец, в огромном количестве, молдаване – совершенно ошеломляли меня первое время. Молдаване стояли на коленях, держа на головах прошения, и потихоньку бормотали свои просьбы, глядя в землю; евреи и, особенно, еврейки жестикулировали и заседали так, что приходилось от них пятиться. Всякий, подававший прошение, желал объяснить еще и на словах. Я обыкновенно давал каждому высказаться и затем отпускал его, для чего специально выучил несколько молдавских слов. В тех же случаях, когда дело представлялось мне более важным, я тут же, среди просителей, находил переводчиков, и они прекрасно исполняли свою обязанность.

Такого рода приемы – очень тяжелое дело. Особенно сильно утомлялись нервы от полной невозможности судить об основательности жалоб. Жалобщики, особенно евреи, настолько всегда преувеличивали дело, уснащали его такими невероятными подробностями, что положительно невозможно было им вполне верить. Вместе с тем, они требовали почти всегда немедленных предварительных распоряжений. Выходило обыкновенно так, что один день – и все погибнет: семья, имущество и прочее. Поневоле приходилось отпускать просителей до справки, а на другой день они снова являлись, полагая, что я успел все узнать и могу распорядиться. Требовалось большое терпение и выдержка, чтобы разобраться в этой куче прошений, выделить спешные дела и следить за их ходом. Но особенно выводила меня из спокойного состояния привычка молдаван являться издали, чтобы подать мне лично какую-нибудь кассационную жалобу, которой я даже рассматривать не мог, так как она просто подлежала пере-

даче по почте губернскому присутствию. Кончалось, обыкновенно, тем, что такой проситель, кроме путевых расходов, тратил рублей пять на составление пустого прошения. Невероятно легко обирать молдаванина: он сам идет навстречу поборам и как будто доволен, когда ему удается вручить солидную сумму аферистам, караулящим его на всех углах.

Параллельно приему просителей, шел в кабинете прием докладчиков и посетителей. Официально прием кончался к 12-ти часам, но на самом деле редко выдавался день, когда я мог спокойно позавтракать до часу дня. В час приходил правитель канцелярии, а в два я председательствовал в одном из присутствий, в общем не менее четырех раз в неделю, а иногда и ежедневно. Если присутствие кончалось рано, то я, на пути домой, делал несколько визитов, но иногда заседания продолжались до 6–7 часов вечера, и, в таких случаях, я с трудом выгадывал один час на обед и прогулку по саду.

С 8 часов я садился за бумаги, заключающиеся в 7–8 портфелях разных присутственных мест. Перед сном я любил походить по городу, в штатском платье, но это не всегда мне удавалось, так как иногда мои занятия продолжались до 12 часов ночи. Для прогулок своих я имел обыкновение выбирать глухие места, где, по моим сведениям, происходили кражи, а иногда и грабежи. Полиция вскоре заметила этот обычай, и охрана города значительно улучшилась. Следует упомянуть, что, с уходом войск в лагеря, кражи и ночные буйства сократились наполовину.

В течение первых двух месяцев я потерял в весе около десяти фунтов. В августе месяце приехал из Уфы новый вице-губернатор Блок, незабвенный товарищ, верный помощник мой и единомышленник, с которым мы дружно жили и работали до моего отъезда из Кишинева в Тверь. Шальная бомба террориста прекратила жизнь этого честнейшего деятеля, в 1906 г., когда он был самарским губернатором. Приезд Блока меня очень ободрил, облегчил мою работу и дал мне возможность объехать уезды губернии.

Глава III

Полиция. Губернское правление. И.Л. Блок. Коробочный сбор. Прием новобранцев-евреев. Порочные иностранцы. Подводная повинность. Незаконные сборы в пользу помещиков-владельцев местечек.

Мне пришлось, на первых же порах, обратить серьезное внимание на местную полицию, городскую и уездную. Вскоре оказалось, что состав её, в отношении способностей и деловитости отдельных полицейских чинов, весьма удовлетворителен, что особенно стало заметно в городе Кишиневе после того, как руководство городской полицией принял на себя приглашенный мною, бывший когда-то полицмейстером в Риге, полковник Рейхарт, опытный и дельный исполнитель. Из пяти городских приставов – двое положительно выдавались, двое были вполне удовлетворительны, и только одного пришлось удалить за слишком бесцеремонное взяточничество.

Раз речь зашла о незаконных поборах, приходится на этом вопросе остановиться. Как-то раз я, при содействии одного из членов прокурорского надзора, знатока края, попробовал вычислить подающуюся примерному учету часть поборов, производимых полицией по губернии. Вышло значительно более миллиона рублей в год. Чтобы несколько реабилитировать бессарабскую полицию в глазах наивных людей, которым когда-нибудь придется читать эти строки, я упомяну, что петербургская полиция, по самому тщательному дознанию знатока дела, служившего в градоначальстве, получает до 6-ти миллионов рублей в год одних подписных денег, т. е. таких, которые даются не за нарушение закона или злоупотребления по службе, а просто за то, что существуют обыватели-домовладельцы, лавочники, трактирщики, фабриканты и т. п. Поборы за нарушение законов, в интересах дающих, здесь в расчет не приняты, в виду невозможности их учесть.

Итак, я скоро убедился, что взятка среди бессарабской полиции, за малыми исключениями, играет большую роль. В этом убедиться было не трудно, глядя на то, как становые пристава разъезжают четверками, в рессорных колясках, ездят в первом классе по железным дорогам, приобретают дома и участки земель и проигрывают в карты сотни, а иногда и тысячи рублей. Не трудно было узнать и об источнике их доходов. В развращении полиции оказались виновными все те же злополучные евреи – язва Бессарабии.

Евреи, по временным правилам 1882 г., не могут арендовать земли. Земли бессарабских помещиков в аренде у евреев – вот первый источник доходов полиции. Фиктивные договоры, по которым помещичьи земли сдаются подставным лицам, за которыми стоит действительный арендатор-еврей, подлежат уничтожению судом, исковым порядком, причем истцом является губернская администрация. Доказать такой иск почти невозможно, приходится обыкновенно его проигрывать и, сверх того, платить судебные издержки из средств казны, которая их притом не отпускает, так что губернское начальство неохотно берется за такого рода дела и к возбуждению их полицию не поощряет. С другой стороны, незаконному арендатору все же приятнее уплатить 50 коп. с десятины, нежели возиться с властями и таскаться по судам. Отсюда, появление арендных книг, по которым производятся в два срока платежи или исправнику, который их распределяет, или, если исправник не берет взятку (таких было у меня три), то непосредственно приставам.

Подесятинная плата бывает и ниже полтинника, но тогда полицейские чины заседают в каждом имении часть земли от себя и держат свой скот на кормах арендаторов. Когда я однажды уволил одного станового пристава, то ему пришлось продать до 70 штук своего скота в разных имениях. Кое-кто из арендаторов при этом заспорил, и дело, благодаря этому, выяснилось.

Перед отъездом из Кишинева, когда я был назначен тверским губернатором, мне захотелось проверить свои наблюдения по вопросу о незаконной аренде. Я обратился к очень почтенному еврею Ф – у, арендовавшему, по слухам, несколько десятков тысяч десятин земли в губернии и просил его откровенно сказать, платил ли он полиции и сколько. Оказалось, что он прежде всего платил два раза в год всего от 30 до 50 к. за десятину, но за последнее полугодие попробовал не отдать.

«Какие же были последствия?» спросил я.

«Ничего, подулись немножко, но не притесняли», ответил он, прибавив задумчиво: «пожалуй, теперь придется заплатить и за прошедшее полугодие».

Вторая статья поборов – право временного пребывания евреев в сельских местностях. Жить в селах они не могут, но временно пребывать, по торговым и другим делам, – имеют право. Что значит – временно? Какие признаки указывают на окончание дела? Эти вопросы разрешаются в первой инстанции местной полицией, приводящей немедленно в исполнение свое решение. Потом можно жаловаться и доказывать свои права, доходя до правительствующего сената, но полицейский чин не отвечает за свои действия по выдворению евреев из села. Его действия закономерны, он так понимает закон, и, в действительности, вопрос, с точки зрения законности, всегда спорен, притом разрешение его зависит от дознания, производимого той же полицией. Опять является выгодным заплатить полиции и мирно окончить в селе свои дела.

Кроме того, надо упомянуть, что под видом временного пребывания значительное количество евреев живет в сельских местностях в сущности постоянно. Таких, незаконно проживающих евреев, в одном Хотинском уезде насчитывалось в мое время, по сведениям местного предводителя дворянства, около 8.000. Знатоки края и уезда подтверждали не раз, что цифра эта не преувеличена.

Бороться с такого рода обходом закона евреями губернское начальство не в силах. Сельские власти часто скрывают эти факты от полиции, низшая полиция – от уездной, уездная от губернатора. Хотя выселение евреев из сел производится полицией постоянно, и дел такого рода в производстве масса, но все же большинство незаконно проживающих евреев устраивается так, что их никто не трогает. Если бы я не боялся впасть в преувеличение, то сравнил бы действия властей по отношению к рассыпавшимся по селам евреям – с охотой, производимой в местности, очень богатой дичью, если бы число имеющих право охоты при этом было ограничено, а известные сорта дичи, по охотничьим правилам, были бы запретными.

Бессарабия длинной своей стороной прилегает к Австрии и Румынии. Жители пограничной полосы имеют право переходить границу без паспортов, по билетам станового пристава, для отыскания пропавшего скота и по торговым делам. Евреи оживленно торгуют, и благодаря этому обстоятельству, получается третья статья дохода для полиции. Выгоднее для еврея дать приставу 3 рубля, нежели выписывать 15-ти рублевый паспорт из губернаторской канцелярии в том случае, если пристав не признает просителя торговцем.

Таковы, освященные традицией и поддерживаемые особым законодательством о евреях, главные статьи полицейских доходов. О второстепенных, мелких поборах я здесь не упоминаю. Не говорю я и о тех взятках полицейских чиновников, которые взимаются не с евреев, а также о случаях злоупотреблений, признаваемых таковыми обычным правом.

В общих чертах, уже по вышеописанным примерам, можно судить о составе бессарабской полиции: несколько человек, не берущих ничего, множество лиц, ограничивающих поборы теми пределами, которые, по местным взглядам, считаются естественными и дозволенными, и, наконец, меньшинство таких взяточников, которые всегда и всеми признаются за порочных людей: на них жалуются, их преследует прокурорский надзор, и губернское начальство, от времени до времени, принуждено причислять их к губернскому правлению или сплавлять соседним губернаторам, получая иногда взамен изгнанников с такими же свойствами.

Я сознавал обязанность свою, как начальника всей губернской полиции, принимать меры для борьбы с теми злоупотреблениями, которые только что мною описаны; но скоро я должен был убедиться в том, что уничтожить незаконные поборы – задача для меня непосильная. Мне удалось избавиться от самых ярких взяточников – тех, которые, так сказать, срывали незаконные поборы на глазах у всех. Благодаря внимательному расследованию и широкому доступу ко мне просителей, случаи удовлетворения законных прав за деньги, случаи торговли законом, быть может, при мне несколько уменьшились. Но обычай вознаграждать полицию за снисходительное отношение к обходу закона остался и при мне во всей силе, и я не думаю, чтоб это зло могло быть искоренено, пока часть населения будет лишена тех естественных прав на существование, которыми все население пользуется. Были и другие поводы, затруднявшие в Бессарабии искоренение взяток. Приведу для иллюстрации их два примера.

Однажды я решил зайти в управление пристава одного из участков г. Кишинева, чтобы ознакомиться с его делопроизводством. Я прежде всего обратил внимание на помещение канцелярии, очень просторное и даже комфортабельное, установленное столами, за которыми, несмотря на поздний час, занималось 6 человек. Я спросил каждого из них о размере содержания, получаемого ими, и выяснил следующие цифры. Старший делопроизводитель получал 600 р. в год, двое других – по 480 руб. и три писца вместе стоили 660 руб. На канцелярские расходы выходило, по словам пристава, от 200 до 300 руб. ежегодно. Составлялась цифра в 2.300–2.400 руб., тогда как все содержание пристава, с расходом на канцелярию, не превышало двух с половиной тысяч в год. Мне оставалось только посмотреть книги и движение дел, тщательно обойдя вопрос о том, на какие средства живет сам пристав.

Другой случай касается уездной полиции. Место, пристав в Новоселицах, на границе Австрии, считалось первым в губернии, так как приносило занимавшему его лицу, по общим отзывам, до 15 тысяч рублей в год. Такая цифра всем колола глаза, и я счел необходимым назначить ревизию делопроизводства этого стана. При этом обнаружилось, между прочим, такое явление. Одному из новоселицких евреев было сдано приставом право торговли легитимационными билетами, на основании которых жители пограничной полосы переходили границу по своим торговым и другим делам. Желая взять такое удостоверение являлся к арендатору и получал от него талон, по которому в канцелярии пристава бесплатно и беспрекословно выдавался билет, а арендатор, взамен такой привилегии, содержал на свои средства всю канцелярию стана. Пристава я уволил и назначил на его место другого, но вскоре убедился в том, что незаконные поборы продолжают в другой форме. Тогда я выписал из одной великорусской губернии человека вполне надежного и убедил его взять место новоселицкого пристава, обещав ему повышение, как только он поставит дело, как следует. Через месяц новый пристав заявил просьбу об увольнении его в отставку, так как, при всем желании, он не мог обходиться своим содержанием. Ему не только не хватало средств на прожитие, но он принужден был запускать дела, так как содержание канцелярии, сокращенной им на половину, поглощало все отпускаемые ему средства.

Я не сразу понял, чем именно объясняется огромное накопление дел во всех административно – полицейских учреждениях Бессарабии, и только опыт нескольких ревизий убедил меня в том, что, помимо обязанностей чисто полицейского характера и тех задач, которые постепенно вошли в круг действий полиции, с развитием деятельности прочих учреждений, на положение дел в Бессарабии имеет влияние мелочное, особое законодательство, ставящее почти каждого еврея в положение постоянного просителя и жалобщика. Полиции, действительно, нет покоя от еврейских дел, и мне приходилось замечать, что ненависть полицейских чиновников к еврейскому населению питается отчасти теми хлопотами, нареканиями, жалобами, объяснениями, ошибками и ответственностью, которые постоянно приходится испытывать чинам полиции, как последствие совершенно бессмысленного и не достигающего цели законодательства о евреях.

Губернские правления давно признаны в центральной России учреждениями совершенно отжившими и лишними. За исключением специальных отделений, – врачебного, межевого, строительного, губернское правление, в тесном смысле слова, почти не имеет дел в губерниях, не включенных в черту еврейской оседлости. Там редко можно увидеть просителей в здании правления, и потому советники, секретарь и делопроизводители его имеют обыкновенно массу свободного времени. Но в Бессарабии дело обстояло совершенно иначе. Там, в производстве губернского правления, не считая его специальных отделений, сосредоточивалось в год 10.000 дел, и чиновники изнемогали под бременем составления журналов, особенно по еврейским делам, работая постоянно не только в присутственные часы, но и по вечерам. Искусство делопроизводителей в составлении журналов стояло у нас высоко, и способность их доказать, что угодно, на основании прецедентов и решений сената, вызывала изумление. Направление, которое дал в этом отношении бессарабскому губернскому правлению Устругов, состояло в измышлении всевозможных тонкостей и толкований, с целью довести до крайних пределов стеснение евреев законами, ограничивающими их права. Надо сознаться, что преследование евреев было доведено Уструговым до степени художественной, и для обхода закона в ущерб евреям он изыскивал средства, во всяком случае, не менее оригинальные, чем те, которые измышляли сами евреи, с целью обойти закон в свою пользу. Сборник сенатских решений пестрит упоминаниями о Бессарабии, и нет другой губернии, в которой постановления губернского правления по еврейским делам подвергались бы столь частой отмене. Но это обстоятельство не смущало Устругова. Решения сената мало имеют значения для жалобщиков, так как они обыкновенно появляются уже после того, как обстоятельства изменились, и проситель не может воспользоваться результатами благоприятного для него исхода дела. Что же касается руководящего значения таких решений, для однородных случаев, то Устругов в этом отношении поступал просто: он решениями сената не руководствовался, а иногда шел еще дальше – оставлял эти решения без исполнения, за что, наконец, подвергся ответственности.

В 1906 году, я, в качестве товарища министра внутренних дел, участвовал в рассмотрении сенатом вопроса о предании Устругова суду за систематическое уклонение от исполнения сенатских решений и за представление, при своем объяснении, заведомо неверной копии с одного из постановлений губернского правления по еврейскому делу. Но и в этом случае знаменитый крючкотворец и искусник остался безнаказанным, так как, за неделю до рассмотрения его дела в сенате, он окончил свое земное существование. Дело было прекращено за его смертью.

Много потребовалось энергии и труда со стороны нового вице-губернатора Блока, чтобы ввести деятельность бессарабского губернского правления в рамки закона. Умы делопроизводителей, натасканных на травлю евреев, не сразу могли прийти в равновесие, и бедный И.Л. помногу раз собственноручно переделывал проекты их журналов, забросив для этого даже игру на виолончели – единственное свое развлечение. Часто он приходил ко мне показать курьезы уструговского режима, на которые наталкивался при разрешении дел. Один из таких случаев мне хочется здесь рассказать.

С еврейских обществ установлен особый денежный сбор, под названием коробочного. Я полагал сначала, как и многие другие, впервые слышавшие это выражение, что здесь имеется в виду какое-нибудь коробочное мастерство, изготовление коробок, или чего-нибудь подобного. Но в действительности коробочный сбор есть акциз, уплачиваемый при убое скота, резании птиц и продаже мяса, по таксе, утвержденной городскими управами, под наблюдением губернских правлений. В Кишиневе, как почти повсюду, право взимания коробочного сбора было передано, на утвержденных губернским правлением кондициях, арендатору, вносившему в общественную «коробку» определенную на торгах сумму (помнится, около 75.000 р. в год) и собиравшему затем в свою пользу деньги с каждого фунта мяса и жира по таксе. При этом в кондициях акциз с мяса и жира, или сала, был исчислен отдельно, и на этом разделении осно-

вывалась хитроумная комбинация. Арендатор заставлял мясников отрезать жир от мяса, чтобы вешать его отдельно, и таким образом обесценивал продукт, который покупателями браковался. Мясники, чтобы избежать порчи товара, шли на большие уступки, и такса нарушалась в пользу арендатора. Когда последний переходил в своих требованиях границы благоразумия, то потерпевшие обращались в губернское правление с жалобой на нарушение арендатором кондиций. Тогда во всем блеске выступали способности Устругова. Заготавливался журнал, в котором с необыкновенной убедительностью доказывалось; что арендатор не прав, что он нарушил и кондиции, и таксу, и здравый смысл, и закон. Журнал подписывался и утверждался. Но как-то так всегда случалось, что арендатор своевременно узнавал о грозившей ему опасности, и, в результате его настойчивых просьб, составлялся новый журнал, по которому жалоба мясников признавалась, по мотивам, имевшимся у Устругова в запасе совершенно неосновательной, о чем им объявлялось, с подпиской, через полицию. Так, в течение арендного срока, губернским правлением издавалось несколько противоречащих друг другу толкований договора, и, в конце концов, мясники всегда оставались в руках арендатора, а последний не выходил из рук начальства.

Такой случай интересен, конечно, только как характеристика известного лица и оказываемого им влияния на ход дел. С приездом Блока, и даже до него, когда губернским правлением заведовали советники, в порядочности которых я не имел основания сомневаться, подобные кунштюки не допускались.

Гораздо больший интерес, для суждения об особенностях управления Бессарабией, представляют такие приемы, которые применялись открыто, вошли в сознание управлявших и управляемых, не вызывая протеста ни с чьей стороны. Несколько таких случаев я здесь приведу. При переосвидетельствовании новобранцев, в губернском воинском присутствии наблюдается всегда такой порядок: после того, как все призываемые осмотрены, и подписаны постановления, решающие их судьбу, все они, уже одетые, приглашаются в зал для выслушания решения. Затем все подлежащие переосвидетельствованию новобранцы расходятся по домам, а те из их числа, которые приняты на службу, обязаны явиться к определенному дню на сборные пункты в уездах, где они переходят в распоряжение воинского начальника.

Председательствуя в кишиневском присутствии, я совершенно случайно обратил внимание на то, что часть принятых на службу молодых людей, по окончании заседания, уходит в выходные двери, а часть возвращается в соседнюю комнату, куда вслед затем входят несколько полицейских нижних чинов. На вопрос мой, почему не все новобранцы ушли, делопроизводитель мне ответил: «остались одни только евреи». Будучи утомлен и отчасти рассеян, я не стал продолжать расспросов и пошел домой, но по пути обратился к той же мысли и стал думать о том, что, в сущности, ответа на свой вопрос я не получил, и вследствие этого, на другой день, спросил одного из членов присутствия о причинах заинтересовавшего меня явления. От него я узнал, что только новобранцы христиане распускаются по домам после приема на службу, а евреев отводят в места заключения при полиции и затем, когда наступит время, отправляют по этапу на сборные пункты, где их снова сажают и, наконец, уже сдают военному начальству. «Почему это делается?» – спросил я: «Имеем ли мы на это право?». «О, несомненно» – ответил мой собеседник, – «я застал уже такой порядок при моем вступлении в должность; не помню, когда последовало такое распоряжение, но несомненно оно должно быть».

На другой день, упомянутый член присутствия снова явился ко мне и объявил, что он самым тщательным образом навел справки по заинтересовавшему меня делу, и что, как оказалось, в отношении новобранцев-евреев допускается присутствием ничем не оправдываемый произвол. Никакого права, никакого законного распоряжения на лишение свободы новобранцев-евреев у нас не было, а был четыре года тому назад случай побега принятого на службу еврея за границу, после чего Устругов, в отсутствие губернатора, установил удобные, по его мнению, гарантии от повторения побегов. Здесь надо упомянуть, что за уклонение новобранца

от воинской повинности начальство не отвечает, караулить его оно не обязано, а лишать его свободы не имеет права. Со времени освидетельствования до сбора на пунктах проходят недели, и все это время все принятые евреи сидят под арестом или путешествуют по этапу с преступниками – образ действий совершенно неслыханный.

Пришлось проявить «сентиментальное юдофильство» и отменить распоряжение. В следующем заседании евреям объявили, что они могут идти домой, но они зашпорили, указывая на полицейских и твердо намереваясь садиться под арест. Я ушел из присутствия, предоставив делопроизводителю объясниться по этому поводу с полицмейстером по телефону. Полицмейстер потом мне говорил, что он тоже был удивлен новому и для него способу обращения с новобранцами, но полагал, что на это есть «особое распоряжение».

При посещении тюрьмы обнаружилось однородное явление, касавшееся на этот раз не евреев. Когда я обходил камеры, ко мне с мольбами кинулось несколько человек, заявляя, что они сидят в заключении несколько месяцев сверх срока. Обстоятельство это по справке подтвердилось. На мой вопрос, почему эти арестованные не выпущены, начальник тюрьмы, приложив руку к фуражке, произнес непонятные мне слова: «это порочные иностранцы, ваше сиятельство». Опять я промолчал по неопытности, но придя домой и справившись, как следует, выяснил, что министру внутренних дел предоставлено право удалять из России, по представлениям губернского начальства, иностранцев, опороченных по суду. По принятому обычаю, о всех осужденных к заключению в тюрьмах иностранцах делается подобное представление, и они, в ожидании распоряжения министра, продолжают содержаться в заключении после срока. На вопрос мой, какие опасения вызвало бы освобождение заключенных в законный срок, мне ответили, что они, пожалуй, скроются за границу, и тогда распоряжение министра о высылке их за границу нельзя будет исполнить. Такое рассуждение представилось мне или слишком тонким, или просто нелепым, и я склонился в пользу второго мнения. Порочных иностранцев мы отпустили. Есть еще одно специальное бессарабское преступление, с которым можно ознакомиться из многочисленных протоколов полиции, привлекающей обывателей за «амбулантную жизнь и игру на гитаре». Но здесь граница области чистого комизма, а потому я перейду к более серьезному предмету.

Я хочу привести здесь выдающийся пример длящейся эксплуатации сельского населения Бессарабии в интересах должностных лиц, с целью показать, как терпеливо, безропотно и темно было современное мне бессарабское крестьянство. Рассказ мой поневоле будет сух и скучен, но для характеристики того времени, которое я описываю, и в особенности для стоящего на очереди вопроса о земской реформе, он некоторое значение имеет.

Существует, в числе так называемых земских повинностей, старинная подводная повинность, отправляемая исключительно сельскими обывателями бывшего податного состояния, т. е., говоря проще, крестьянами. Должностные лица определенных категорий имеют право, на основании открытого листа или билета, требовать в деревнях лошадей за указанные прогоны. Такого рода билеты должны выдаваться земскими управами бесплатно только судебным следователям, чинам уездной полиции и жандармам, едущим по делам службы.

Неудобство такого передвижения и очевидная несправедливость возложения сказанной повинности на одних крестьян давно уже признана почти всеми земствами, и в большинстве уездов России подводная повинность исполняется за счет общеземских средств. Земства или выдают упомянутым выше должностным лицам прогонные деньги, или уплачивают за них крестьянам прогоны, или, наконец, содержат на местах стоечных лошадей. Но в Бессарабии утвердился такой порядок, при котором, во-первых, крестьяне одни несут все расходы по поездкам должностных лиц; во-вторых, ездят на их лошадях бесплатно все почти без исключения должностные лица и, наконец, в-третьих, поездки их обставлены самым изысканным комфортом.

В каждой волости волостной сход сдает содержание лошадей предпринимателю, обыкновенно еврею, уплачивая ему из волостных средств большие суммы. Предприниматель, в

собственных рессорных экипажах, возит по уезду всех, кому управа выдаст билет на право проезда, а выдает она эти билеты очень щедро. Кроме вышеупомянутых лиц, правом брать обывательских лошадей пользуются предводители дворянства, управа, все земские служащие, земские начальники (последние вдвойне незаконно, так как они получают от казны разъездные деньги). Пользуются также этими лошадьми семейства служащих, прислуга их и даже знакомые. Часто служащие разных уездов предоставляют друг другу право пользоваться бесплатным проездом, и я знал случаи, когда в Кишинев из самых дальних уездов приезжали таким образом уездные чиновники. Благодаря такой, совершенно незаконной, постановке дела, каждой волости приходится содержать от 30 до 40 и даже до 60 лошадей, уплачивая с каждой семьи от 1 руб. 75 коп. до 2 руб. 50 коп. в год. Общая сумма, по пяти уездам губернии, по сделанному мной подсчету, составляла на этот предмет около 360 тысяч в год, и все эти деньги ложились на крестьян, без всякого участия остальных плательщиков земских сборов.

Когда я впервые посетил один из уездных городов губернии и затем поехал дальше по уезду, заезжая в волостные правления, со мной отправилось человек 10 местных деятелей. Каждой паре лиц подавали коляску, запряженную четверкой, и тогда-то я впервые узнал о тех порядках, которые я только что описал. На выраженное мной недоумение я получил ответ, что крестьянам безразлично, кто и сколькими лошадьми будет пользоваться, так как контракт с почтосодержателем ими уже заключен, а арендатора жалеть нечего: лошади у него есть, и от того, что они будут стоять, хозяину пользы не будет. Когда же я распорядился уплатой прогонов за свою четверку, все пришли в изумление, в том числе и почтосодержатель, которого мой чиновник особых поручений насилу принудил взять с меня прогонные деньги.

Я не успел, за время своего губернаторства, уничтожить описанное злоупотребление. Я собрал все материалы, затребовал по указанному предмету необходимые сведения и предоставил уездным земствам самим разрешить возбужденный вопрос о несправедливом отягощении сельского населения столь архаической повинностью. Недавно я с удовольствием узнал, что все упомянутые земства изменили порядок поставки подвод, приняв все расходы в указанном отношении на общеземский счет. Чтобы покончить с такими особенностями Бессарабии, которые придают ей своеобразный отпечаток в отношениях, установившихся между общественными классами, я приведу еще один пример. Там я впервые ознакомился со случаями присвоения некоторыми помещиками особых прав по взиманию пошлин с продуктов, ввозимых в поселения, основавшиеся на их землях. Домовладельцы-арендаторы, и вообще все жители таких поселений, обязаны были уплачивать в пользу помещика, собственника земли, попудный сбор с хлеба, вина и других продуктов разных наименований. Сбор этот взимался особым сторожем, при содействии, в случаях недоразумений, общей полиции, а также местного волостного и сельского начальства. Так велось дело издавна, но каким-то путем вопрос о праве помещиков взимать эти сборы поступил на разрешение судебных мест, до правительствующего сената включительно, который окончательно решил дело против помещика, разъяснив, что продукты первой необходимости не могут быть облагаемы никакими пошлинами в порядке частного договора или основанного на давности обычая. Спокойное взимание пошлин отныне было нарушено, протесты и отказы платить стали появляться повсеместно, и большинство помещиков было принуждено отказаться от своих таможенных доходов. Некоторые, упорные, не сдались и продолжали настаивать на своем фиктивном праве. Самый изобретательный из них, унгенский помещик Б., продолжал взимать сбор со своих арендаторов уже в мое время, опираясь на содействие полицейских властей, которым он импонировал, благодаря знакомству с моим предшественником и близости к проживавшему в доме генерала Раабена, в качестве друга, какому-то неудачному музыканту и удачному карточному игроку П-у, происхождение которого и прошлое никому не были известны, хотя он везде в Кишиневе был желанным гостем. Этот П. выезжал в Унгени по вызову своего приятеля, и лично руководил действиями полиции по укрощению строптивых жителей поселка, разлакомившихся надеждами

на значение судебных решений. Им было показано, кому надо и верить и кому слушаться, в силу чего сборы в Унгенях продолжали поступать в кассу помещика даже после ухода Раабена. Вся тонкость этого дела состояла в том, что надо было получить сбор, не выдавая квитанции, по которой плательщик мог предъявить право на обратное получение денег, и вот тут-то и требовалось содействие властей. До меня дошли сведения об этих оригинальных отношениях путем поданной мне и проверенной мной жалобы, в которой один из домовладельцев поселка объяснил следующее: подъезжая к селению с возом муки, он приготовил требуемые деньги и просил сторожа принять их под квитанцию; сторож выдать квитанцию отказался, а подводу задержал. Тогда обыватель отправился в помещение волостного правления и подал деньги при заявлении об их назначении. Старшина денег не принял, предложив внести их сторожу.

У добывавшегося квитанции или свидетеля плательщика мелькнула вдруг преступная мысль – оставить деньги на столе волостного правления. Он так и сделал, бросившись потом бежать со всех ног, не смотря на крики и протесты старшины. Вот тогда-то и наступил самый любопытный и знаменательный момент во всей этой истории. В волостном правлении был составлен протокол о неисполнении злополучным обывателем законных требований начальства: протокол был передан местному волостному суду, а копия приговора суда, наложившего на виновного солидный штраф, была мне последним представлена.

Узнав от местного исправника все подробности дела и всю историю упомянутых пошлин, я вместе с тем убедился в полнейшей готовности полиции прекратить свое содействие незаконным поборам помещика. Исправник заявил, что они все тяготеют претензиями Б., и что даже низшие полицейские власти будут счастливы, если уверятся, что они могут безнаказанно уклоняться от хлопотливых обязанностей по выполнению этой особой таможенной службы. Безнаказанность была гарантирована, и поборы, действительно, прекратились, что, по словам помещика Б., его окончательно разорило. Б., уверявший, что он получал в год более 10 тысяч рублей за право ввоза продуктов в Унгени, ездил ко мне по этому делу не раз, пока, наконец, не решил примириться с потерей своих доходов. Но, как кажется, он не простил мне вмешательства в его дела, хотя я должен здесь упомянуть, что, в общем, бессарабские помещики всегда прощали мне попытки, направляемые против некоторых выгодных для них, но устаревших местных обычаев, и относились ко мне прекрасно. С большинством из них у меня установились самые добрые отношения, и вообще Бессарабию я очень люблю и охотно вспоминаю о проведенном в ней времени.

Глава IV

Ожидание погромов. Приезд английского дипломата и американского корреспондента. Погромное настроение и борьба с ним. Пронин и Крушеван. Тревожные признаки. Доктор Коган. Поведение евреев. Еврейская самооборона. Настроение полиции.

Мне пришлось испытать в Кишиневе не мало новых впечатлений, связанных с бывшим в апреле погромом, или явившихся результатом ожидания новых беспорядков на той же почве.

Иностранная пресса, в особенности английская и американская, продолжала на все лады обсуждать кишиневский погром. Тогда, как и теперь, еврейству приписывали большое влияние на западноевропейскую и американскую печать. Но вряд ли одними только еврейскими стараниями объясняется тот интерес, который проявили в то время к Кишиневу и английский парламент, и американские государственные люди. Сильное беспокойство, вызванное в Петербурге летом 1903 г. известием об ожидаемом запросе в английской палате по поводу отношения русского правительства к погрому, и те дипломатические сношения, которые пришлось иметь с Америкой, чтобы избавить Государя от получения грандиозного адреса американцев с просьбой оградить евреев от избиений, – указывают на то, что за границей широкие круги населения и даже правительства великих держав находили невозможным мириться с устаревшими формами расправы с ненавистным племенем, проявленными в Кишиневе, а также с тем отношением к погрому, которое отражалось в русской противоеврейской печати, и которое считалось как бы обязательным для состоявших на государственной службе лиц. В то же время впервые почувствовалось недоброжелательное отношение высших сфер к евреям. До того времени репутацией непреклонного врага еврейства пользовался лишь великий князь Сергей Александрович, московский генерал-губернатор. Но с 1903 г. стало для всех очевидным, что враждебное по отношению к евреям чувство питают и высшие сферы. Попытки вызвать сферы на какое-нибудь проявление осуждения погромов, или хотя бы на выражение жалости к пострадавшим, дарованием им денежной помощи, потерпели полную неудачу. Между тем, авторитетное слово или действие в этом направлении неизмеримо облегчили бы задачу поддержания порядка в губерниях черты оседлости, уничтожив прочно засевшее у многих и утвердившееся после погрома убеждение, что такого рода расправа населения с его исконными врагами – дело полезное с государственной точки зрения и угодное властям.

Так или иначе, но положение бессарабского губернатора в 1903 г. являлось исключительным, так как слова «кишиневский погром» не сходили со страниц газет, постоянно звучали за границей и повторялись везде, то в форме напоминания, то в форме предупреждения и опасений.

Однажды ко мне, в приемный час, явился англичанин, говоривший недурно по-французски, но, конечно, не произнесший ни одного русского слова. Он отрекомендовался приезжим в Одессу туристом и подал рекомендательное письмо одесского великобританского консула. Несмотря на недомолвки и осторожную речь гостя, скоро стало ясно, что он горит желанием всесторонне ознакомиться с положением евреев в Кишиневе и, в частности, с результатом предварительного следствия по делу о бывших беспорядках. Я направил англичанина к нашему прокурору, дал ему адреса некоторых кишиневских евреев и обещал предупредить полицеймейстера о том, чтобы приезжему не чинили препятствий, если он захочет ходить по еврейским кварталам собирать сведения. Но особенный восторг вызвало в англичанине предложение ехать со мной немедленно в тюрьму, куда я в этот день собирался. Он, во-первых, удивился тому, что в тюрьме содержатся громилы (а их было там до 300 человек), затем он, очевидно, не допускал мысли о том, чтобы по апрельскому делу велось правильное следствие (в этом сомнении его на другой день разубедил прокурор суда), и, наконец, надежда видеть громил в тюрьме,

говорить с ними, видеть русскую тюрьму – приводили его в восторг. Мы поехали в тюремный замок и стали обходить камеры. Я обратился к большой артели арестантов и сказал им, что они так прославились своим подвигом, что англичане прислали своего чиновника подивиться на них. Мой спутник стал задавать арестантам, через меня, ряд вопросов о поводах, вызвавших погром, о том, что побудило их избивать евреев, что им сделали евреи худого и т. п. Передаваемые мною ответы арестантов вызвали удивление англичанина, так как отвечающие, во-первых, обнаружили какую-то комическую незлобивость и веселость, перекидывались шутками и добродушно сознавались, что они согрешили немножко, но что в убийстве они, «сохрани Бог», не повинны; уверяли, что евреи – прекрасный народ, что живут они с ними в мире, что всякое бывает, иногда и православный хуже жида. Добавляли, однако, что жида очень обиделись на погром и теперь донимают их лжесвидетельством, приписывая многим из них преступления, которых они не совершали. Я отошел к окну переговорить о чем-то с начальником тюрьмы и, кончив разговор с ним, изумился: мой спутник, подойдя вплотную к арестантам, оживленно их расспрашивал о чем-то по-русски, кивал головой и как будто захлебывался от жадного удовлетворения своего любопытства. Я отошел еще дальше, предоставив англичанину говорить с арестантами на свободе. Он догнал меня уже во второй камере.

Дня через два англичанин приехал прощаться; он был в восторге от арестантов, от прокурора, от меня, от евреев и вообще от всего, что видел. Говорил мне, что в Англии имеют о положении дел в Бессарабии превратное понятие; что он убедился в правильности отправления правосудия в России, в лояльности административных властей, в беспристрастии и высоком качестве прокуратуры, что порядок в городе оказывается образцовый, и что все сведения о разорении города и маразме, в которую впала торговля, ложны. Говорил он еще многое, чего я не запомнил.

Месяца через два я получил от одесского консула печатную брошюру: доклад о состоянии города Кишинева после погрома, представленный министром иностранных дел обоим палатам по приказанию его королевского величества. Доклад заключался удостоверением, что в Кишиневе все обстоит благополучно. Описанный случай представляет собой прекрасный пример необходимости для губернатора быть самостоятельным, избегая по возможности обращения к петербургскому начальству. Можно себе представить, в какую комедию обратилось бы исследование английского дипломата, если бы оно было регулировано петербургскими инструкциями. Одно можно с уверенностью утверждать: благоприятного доклада о положении дел, очень ценного для русского правительства, тогда бы, наверное, не последовало.

Америка одарила меня настоящим курьезом. Перед Рождеством 1903 г., по обыкновению, усилились слухи о предстоящих беспорядках. Как-то, во время праздников, ко мне пришел пожилой полный господин, назвавшийся сотрудником нью-йоркских газет, командированным на рождественский погром, и объяснил, что он живет в Кишиневе дней пять и начинает замечать, что его приезд, по-видимому, напрасен. Подтвердив, что беспорядков он не дождется, я заметил на его лице знаки как-будто разочарования. Он задумался и, наконец, спросил: уполномочиваю ли я его заявить в газете, что он уехал лишь после категорического утверждения моего о бесполезности его пребывания. Я дал просимое уполномочие, и корреспондент уехал.

Рождество, действительно, прошло спокойно, и только некоторая мнительность заставляла меня держаться наготове первые три дня, с целью не опоздать в случае возникновения каких-нибудь беспорядков.

К тому же Рождество было холодное, всякого рода гулянья, танцы и скопление подгородных жителей в Кишиневе не были особенно часты. Но к следующей Пасхе, весной 1904 г., настроение значительно изменилось, и появились признаки, указывавшие на то, что бациллы страха – с одной стороны – и ненависти – с другой, еще живы в городе и способны к размножению.

Первыми ласточками весеннего возрождения полузабытых опасений и утихнувшей вражды явились для Кишинева два лица – Пронин и Крушеван, сыгравшие очень значительную роль в погромном движении 1903 и 1905 гг. Оба они несколько притихли после кишиневской резни 1903 г. Крушеван переехал в Петербургу где стал издавать какую-то патриотическую газету, оставив своего «Бессарабца» на руках доверенного лица, а Пронину пришлось, оставаясь в Кишиневе, не мало поволноваться, в ожидании возможности превратиться из свидетеля в обвиняемого при предварительном следствии и во время суда над погромщиками. Несколько раз Пронин был на волоске от скамьи подсудимых, что, конечно, обуздывало его деятельность и заставляло по временам приходить ко мне развивать идею мирной борьбы с еврейством. Но приблизительно с февраля 1904 года, после начала японской войны, оба патриота подняли головы. Крушеван получил для газеты новую тему – о помощи, оказываемой японцам евреями, а Пронин стал переводить эту тему на общепонятный народный язык. Опять начались донесения полиции о ночных заседаниях в задней комнате одного из рыночных трактиров; снова запестрели, на базарах и в чайных, известные листки, объяснявшие народу предательство и тяжкие грехи жидов. Засуетились и евреи, чувствуя опасность.

О Крушеване пусть говорит в своих воспоминаниях кто-нибудь другой. Я не хочу здесь высказываться о человеке, которого никогда не видел и о котором слышал столько разнообразных отзывов, что нравственная физиономия его не представляется мне ясной. К тому же мне передавали, что он питает по отношению ко мне непримиримую злобу, доходящую до того, что он мне приписывает совершенно невероятные поступки и старается объяснить мое «юдофильство» весьма некрасивыми побуждениями. Я позволю себе поэтому пройти мимо этой своеобразной молдаванской знаменитости. Могу сказать о нем, однако, что литературные произведения его и публицистические статьи, попавшиеся мне на глаза, обнаруживают некоторый талант и любовь их автора к своему родному краю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.